

Людмила Дони́на

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт лингвистических исследований РАН, Россия
ldonina@mail.ru*

—
40
—

Связь семантического различения и грамматического варьирования в средневековом тексте

В докладе исследуются средневековые взгляды на природу слова и связь смысла слова с его грамматическим оформлением на материале памятника XV в. «Летописец Еллинский и Римский».

Ключевые слова: *древнерусский язык, «Летописец Еллинский и Римский», слово, морфологическая парадигма*

Введение. Целью работы является взаимосвязанное рассмотрение двух разноуровневых категорий средневекового текста – семантического различения и грамматического варьирования – и выяснение практических представлений древнерусского книжника о их корреляции или независимости. Предметом описания является репрезентация важнейшей языковой единицы – слова, с учетом того, что «с пониманием сущности слова» были тесно связаны и «основные проблемы средневековых философских воззрений» [Ковтун 1991: 182]. Материал извлечен из древнерусского хронографа «Летописец Еллинский и Римский», предположительно составленного в Новгороде в сер. XV в. [Творогов 1999–2001].

Три типа значений «слова». Сущ. *слово* употреблено в тексте 395 раз, что позволяет на его примере показать различение книжниками, в т.ч. грамматическими средствами, конкретного и абстрактного, профанного и сакрального в смысле и значении «слова». Ранние восточнославянские грамматики отражают понимание двой-

ственной природы слова, отмечая «символическое отношение к тексту, т.е. умение видеть в нем прямое и непрямое значение», как в «Беседе о учении грамоте»: «Слово же в человеце во образъ Сына Божия, понеже Сын Божии имат у себе два рождения. <...> Понеже бо наше слово рождается прежде от душа некимъ рождениемъ непостижным, и пребывает у душа неведомо. И паки рождается вторымъ рождениемъ плотскимъ, еже есть устнами изыдетъ и гласомъ в слышании объявится» [Мечковская 1984: 33, 60]. «Весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл» [Лихачев 2004: 96].

Однако в «Летописце Еллинском и Римском» выражен троичный принцип, освоенный первоначально славянским богословием. Представлена градуальная оппозиция трех типов значения лексемы *слово*. Расположив их на условной вертикальной шкале абстрактное/конкретное, мы получим три основные точки, вокруг которых возможно развитие дополнительных значений.

1. Бог Слово. Высшую точку занимает *Слово* «одно из имен Иисуса Христа», богословское *понятие*, представленное в трех вариантах:

а) *Слово: Пръвое Богъ, по том Слово и Духъ с ним.* Грамматически это сущ. одушевленное: *Слова же и Духа Свята... разумъти*;

б) *Бог Слово* в двух грамматических вариантах: со склоняемым / несклоняемым компонентом *Слово* (*къ Богу Слову / Богу Слово*). Видимо, во втором варианте перед нами попытка сохранить неизменяемым сакральное имя и употреблять теософский термин постоянно в форме им. падежа ед.ч., которая выступает основой «нащупываемой» языком парадигмы. Для слова в этом значении она является наиболее ценной функционально, обозначая активное действующее начало, и преобладает количественно. Идея единства слова во всех формах важна и для становления парадигмы, но рассмотренная её реализация противоречит языковой системе, поэтому непоследовательна: *инога же суца Бога*

Слова от Отца рождена, етера же от Мариа рождена человека, одръжанием же съвокуплена Богу Слово;

в) *Божие Слово и Слово Божие*, в двух вариантах порядка слов: *Божиа Слова и его пришествиа / Не присно Богъ Отець бысть, ни присно бысть Слово Божие.*

—
42 —
—
Формы мн. ч. в христианско-богословских контекстах отсутствуют.

2. Слово Божие. В средней части шкалы абстрактное/конкретное находится *Слово* «Божественное волеизъявление», которым всё сотворено и которое вместе с тем может быть обращено к человеку. *Символическое* употребление требует постоянного эпитета: *Слово Божие, Христово, Господне, божественное.*

Может быть «пересказано» как «учение», «заповедь»: *Апостоли ... Слово Божие глаголати не престаяху.* Значение этого уровня можно назвать соединяющим два крайних члена тернарной оппозиции: «Слово Божие – это слово Богочеловеческое» [Аверинцев 2006: 824].

3. Мирские словеса. Третий уровень объединяет *слова* земные, конкретные, индивидуальные. Здесь речь о *словесе/словеси/словесь* (со всеми возможными вариантами флексий) воинов, волхвов, философов... Под влиянием многозначности греч. слова развилось несколько значений, напр. «спор»: *и пакы зависть, и пакы гнѣвь, и пакы вражда и словеси явление.* Во всех значениях встречаются основы с –ес. Многочисленны формулы с глаголами: *слово дати* «обещать». *Образное* значение характеризуется богатством признаков: *дивными словесы, легькими, мирными, неполезными и врьдоумными, книжными, молебными*, которые уточняют смысл (*грѣчкими словесы* «по-гречески»).

Значения «человеческого» уровня реализуются в контекстах в формах мн. ч.; «абсолютное» сконцентрировано в формах ед. ч. (*наказая словеса и божественное слово явь учити*). Однако формы ед. ч., на которые приходится 2/3 фиксаций, могут обозначать и идеи вещей, и их единичность.

Имеющиеся в древнем словоизменительном классе на *-s две формообразующие основы в этот период коррелировали с категорией числа. Сущ. *слово* демонстрирует общую закономерности: во мн. ч. (и в местном падеже ед.) наличие *-es* обязательно; в ед. *-es* сохраняется лишь в 10% употреблений. Переосмысление грамматической категории числа было значимым, но противопоставление идеи и фактов в числовых формах не стало препятствием для становления парадигмы.

Выводы. «Слово» усилиями книжников постепенно приобретает черты зрелого концепта: «...условимся под *концептом* понимать всю совокупность содержательных форм, одну из таких содержательных форм считать *понятием*, а соответствующую понятию сущность – *концептумом*» [Колесов 2019: 316–317]. Две содержательные формы – образ и символ – выглядят вполне сложившимися в контекстах, описанных как «мирские словеса» и «Божественное Слово»; понятие «Бог Слово» можно обозначить как термин теологии. Образ, символ и понятие представляют содержательные формы и концепта (единицы ментального плана), и слова (языковой единицы) [Колесов 2019]. Вместе они сформируют собственно лингвистическое понятие, но это произойдет уже в Новое время, когда сложится и морфологическая парадигма.

Употребление лексемы *слово* в тексте хронографа допускает предположение о том, что в сознании средневекового книжника логическое и лингвистическое в природе слова не разъединены, что позволяет использовать одну лексему в столь разных типах контекстов. Но мысль и слово и не смешиваются, и умственные усилия направлены на семантическое различение помысленного и произнесенного, в том числе за счет выбора грамматических вариантов. Заметнее всего связанность смысла и основы, одушевленность, предпочтение ед. или мн. числа, степень варьирования флексий – от «несклоняемости» до 4–5 разных окончаний для одной падежно-числовой формы.

Литература

Аверинцев 2006 – Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое // Аверинцев С.С. София–Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 816–830.

– **Ковтун 1991** – Ковтун Л.С. Языкознание у восточных славян в XI–XV вв. // История лингвистических учений. Позднее средневековье СПб.: Наука, 1991. С. 182–208.

44

– **Колесов 2019** – Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

Летописец 1999, 2001 – Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / осн. список подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. СПб.: Дм. Буланин, 1999; Т. 2. Комментарий и исследование О.В. Творогова. СПб.: Дм. Буланин, 2001.

Лихачев 2004 – Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Логос, 2004. 654 с.

Мечковская 1984 – Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. М.: Изд-во «Университетское», 1984. 160 с.

Ludmila Donina

Saint Petersburg State University,

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

ldonina@mail.ru

Correlation of semantic difference and grammatical variation in medieval text

In this article factual information by XVth century ancient writing «Hellenic and Roman Chronicle» is analysed and presented. The focus of the paper is on the Medieval theory of «words» and formation of the paradigm of nouns.

Key words: *Old Russian language, «Hellenic and Roman Chronicle», Logos, morphological paradigm*